

особенностью этого института, в отличие от административной ответственности физических лиц, является не только его правоохранительная, но и фискальная направленность. Однако все процедурные вопросы должны быть четко и недвусмысленно закреплены в законодательстве, ибо конечная цель административного наказания – не пополнение бюджета, а предупреждение совершения новых правонарушений.

О.В.Сидоренко

Принцип социальной справедливости

Социальная справедливость – одна из важнейших проблем современности, которая выражает сложные, диалектические процессы мирового развития в прошлом и настоящем. С ней, так или иначе, связаны представления людей о будущем, их извечное стремление к гармонии и совершенству общественных взаимоотношений.

Мысль о происхождении идеи справедливости из общественных отношений обмена и распределения в различных вариациях проходила через многие социальные и этические доктрины прошлого. Даже те, кто в целом далек от позиций исторического материализма, теперь нередко признают генетическую, логически и исторически прослеживаемую связь между идеологией справедливости и сферой обмена и распределения, материальной и духовной культурой человека.

Рассматривая социальную справедливость через призму многообразных общественных отношений, можно подвергнуть специальному исследованию организацию, принципы и законы обмена и распределения всех

¹ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – № 17. – 1/139.

² Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2002. – № 113. – 1/4067.

³ Якуба О.М. Административная ответственность. – М.: Юрид. лит., 1972. – С. 38.; Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. – М.: Юринформцентр, 1998. – С. 743-744; Сорокин В.Д. О двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности//Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 46-56 и др.

⁴ Алехин А.П., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации. В 2 ч. – Ч. 1. – М.: Теис, 1994. – С.244-246; Бахрах Д.Н. Административное право России. – М., Изд-во НОРМА, 2000. – С. 493-494; Гавриленко Д.А., Гавриленко С.Д. Административное право. – Мн.: Амалфея, 2002. – С. 272-276.

⁵ Положение о Всесоюзной государственной санитарной инспекции: Утв. Постановлением СНК СССР от 26 июля 1935 г. – СЗ СССР. – № 41. – Ст. 340.

⁶ Евтихий И.И., Власов В.А. Административное право СССР – М.: Юр. изд-во Мин-ва юстиции СССР, 1946. – С. 102.

⁷ СЗ БССР. – 1961. - № 39. – Ст. 413.

⁸ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: принят 30 декабря 2001 г. – М.: Юристъ, 2002.

необходимых для человека жизненных условий между членами общества: материальных и духовных благ и ценностей.

Разумеется, нельзя не считаться с тем, что само понятие обмена в распространенном его употреблении связывается преимущественно с циркуляцией материальных благ, т.е. вещей либо материализованной в вещах или деньгах деятельности. Отметим, что о меновой форме можно говорить, по крайней мере, в двух связанных между собой, но все же различных смыслах. Существуют сугубо материальные формы вещного, стоимостного обмена, каким он представлен в экономическом обороте, и вместе с тем более общие, социологически констатируемые формы общественного отношения обменного типа. Связь этих форм с идеологическими структурами общества является неодинаковой.

Что касается товарных и особенно денежных форм обмена, то уже в древности они начинают активно проникать в духовные сферы общественной жизни, распространяясь на семейно-брачные и иные отношения. А переход меновой формы в область неэкономических отношений в принципе возможен и обеспечивается механизмами связи между экономическим строем и социальными явлениями. Материальное содержание товарного обмена порождает всякого рода идеализированные выражения в политике, праве, морали, религии, философии.

Система всеобщего обращения подобна обмену в экономике и под его воздействием становится посредствующим звеном между системой создания материальных и духовных ценностей, с одной стороны, и системой присвоения, употребления этих ценностей, овладения ими – с другой. Две процедуры связываются с конкретным актом взаимного обмена ценностями: процедура, с помощью которой человек ставит себя в положение имеющего благо, и процедура использования, употребления этого блага. Первая из них предполагает не только производство предметов, удовлетворяющих материальные и духовные потребности человека, но и процесс приобретения непроеизводственных ценностей, такие, например как, совесть, уважение свободы и интересов других, честность и иные нравственные качества, которые мы обычно принимаем в расчет в своем отношении к человеку.

Способы приобретения идеальных благ разнообразны: некоторые из этих благ даны человеку от природы, другие получены в процессе воспитания, третьи появились в ходе общественной деятельности. Присвоение, использование блага не состоит только в возможности потребить его в обычном смысле этого слова. Это может выражаться в удовлетворении, которое испытывает человек, обладающий нравственной ценностью или наблюдающий плодотворные результаты своего поступка, своей деятельности. Из сказанного видно, насколько широкими и внутренне неоднородными выс-

тупают процессы, связанные с опосредствующей сферой обмена и распределения, смысл которой состоит в поддержании порядка в общественных отношениях, в установлении баланса между тем, что люди создают и отдают другим в материальной и духовной сферах, и тем, что они взамен получают, используют, присваивают.

Отсюда становится понятным и механизм возвращаемости субъектов к исходному положению в смысле определенной суммы имеющихся у них жизненных условий. Он определяется целями поддержания баланса и устойчивости во взаимоотношениях субъектов. Никто из них не может получить больше, чем дает.

Основой прогресса всеобщего материального и духовного обмена общества, а также развития исторических систем социальной справедливости является, прежде всего, производство, созидание материальных и духовных благ. Порядок взаимного учета действий не приходит в конкретное общество со своей выработанной где-то, абстрактной меркой равенства, а лишь обеспечивает равенство, заданное достигнутым уровнем производства и потребления, присвоения благ, включенных в социальное обращение. Он дает равенство только для этого уровня, для данного круга людей, поднявшихся на него в процессе социальной стратификации. И поэтому его равенство может обернуться неравенством для людей, достигших иного положения в системе производства и потребления.

Идея справедливости, выраженная в праве, связана с необходимостью, возможно, более точно определить вклад действующего субъекта в общественную систему, индивидуализировать его статус, учесть особенности и условия деятельности.

Таким образом, основными элементами понятия социальной справедливости являются, с одной стороны, совокупность общественных отношений обменного и распределительного типа, а с другой – выработанные на основе социальной, прежде всего производственной, практики идеологические ценности, стимулирующие данные отношения. Соответственно в социальной справедливости различаются материальный и идеологический компоненты.

Проблемы социальной справедливости возникают там, где встречаются эти два компонента и связываются в нечто целое. Концепция социальной справедливости не совпадает ни с теориями обмена и распределения в экономическом или социологическом смысле, ни теорией социальных ценностей, взятых как самостоятельная сфера. Предмет социальной справедливости требует междисциплинарных исследований именно потому, что речь идет о единстве социального отношения и ценности, которая дает масштаб для его оценки. Вопрос в том, что итоги обмена и распределения в данном обществе должны быть на основе некоторых принятых критериев оценены как справедливые или несправедливые.

Из теоретиков последних десятилетий, рассматривавших эту проблему, наибольшую известность приобрел американец Джон Роулс. В 1971 году был опубликован его главный труд «Теория справедливости». Она представляла собой междисциплинарное исследование, направленное на вполне практические цели – воплощение в реальную политическую жизнь принципов справедливости.

Работая над «Теорией справедливости», Роулс поставил перед собой две цели. Во-первых, он попытался разработать минимально необходимые общие принципы справедливости, которые могли бы лечь в основу организованного общества, построенного на демократических началах. Во-вторых, он стремился сформулировать теорию, превосходящую наиболее распространенные версии утилитаризма.

Философ сконцентрировал свое внимание на том, что он называет главным предметом его исследования справедливости: основной структуре общества, точнее, тот способ, посредством которого главные социальные институты распределяют фундаментальные права и обязанности и устанавливают распределение преимуществ, вытекающих из общественного сотрудничества (1). Под главными институтами Роулс понимает политическую конституцию и принципы экономического и социального устройства. Примерами главных институтов являются также законодательная защита свободы мысли и совести, конкурентные рыночные отношения, частная собственность. Соединенные в одной модели главные институты определяют права и обязанности людей, оказывают жизненные перспективы. Люди рождаются в неравных социальных условиях, их жизненные ожидания определяются частично политической системой, равно как и социально-экономическими условиями. Таким образом, институты общества поощряют одни стартовые позиции в ущерб другим. Такие различия оказывают воздействие на возможности реализации человека в жизни и, вероятно, неизбежно заложены в основную структуру любого общества, к которой и должны быть применены принципы социальной справедливости. Эти принципы регулируют выбор политического устройства и основные элементы экономической и социальной системы. Справедливость социальной системы зависит от того, как сформированы фундаментальные права и обязанности, от экономических возможностей и социальных условий в разных секторах общества.

Роулс формулирует два принципа справедливости. Первый из них гласит: все лица обладают равными основными свободами, совместимыми с аналогичной свободой других лиц. Второй принцип состоит в том, что социальное и экономическое неравенство должно быть организованы таким образом, чтобы они служили благу всех и были связаны с положением и должностями, доступными всем. Именно эти принципы и являются результатом гипотетического общественного договора.

Два принципа справедливости философ намеренно выстроил в определенном иерархическом порядке. Это такой тип упорядочения, который предполагает удовлетворение первого принципа и только после этого переход ко второму. Иными словами, принцип не начинает действовать, пока не выполнен или не применим предыдущий. Тем самым принцип равной свободы оказывается приоритетным по отношению к принципам, регулирующим экономическое и социальное неравенство. Основная структура общества должна регулировать неравенство в распределении богатства и власти таким способом, чтобы оно было совместимо с равной свободой, на которой настаивает первый принцип. Лексический порядок придает специфический вес всем элементам, но не делает их взаимозаменяемыми. Это означает, что потеря свободы, даже незначительная, не может быть компенсирована увеличением экономической эффективности.

На наш взгляд, фундаментальная свобода может быть принесена в жертву только ради других фундаментальных свобод и никогда не может стать предметом торга ради большего экономического процветания.

Одним из наиболее важных среди приоритетных благ является свобода. Но Роулс говорит не о свободе вообще, а о системе свобод. Дело в том, что различные свободы, по его мнению, могут проявляться в определенных рамках независимо друг от друга. Разные пропорции каждой из свобод должны быть соединены таким образом, чтобы составить целостную систему из максимально возможного числа равно распределенных свобод.

Американскому либералу Роулсу справедливость представляется как служение благу всех, общему благу, примерно равное распределение прав и обязанностей, проистекающих из взаимодействия в рамках общества. Речь идет о справедливости реальной, а не юридической.

В правовой литературе последних лет стал общим местом тезис о приоритете прав личности над правами любых общественных объединений. Идея приоритета или высшей ценности прав личности логически несостоятельна. Любое объединение и общество в целом состоят из людей, обладающих по конституции такими же правами, как и отдельная личность, претендующая на верховенство своих прав. Как часть может оказаться важнее целого? Если признать этот принцип, то есть основания говорить о приоритете «моего права» над правами любой другой личности. Приоритет прав личности может быть истолкован как их неограниченность. На наш взгляд, справедливость с ее опосредующими принципами и правами человека заключается не в чем ином как в выгодном для всех ограничении свободы.

Трудно еще согласиться с таким тезисом, получившим распространение в современной правовой литературе, – отрицанием социально-политическими аспектами равенства и справедливости.

В абстрактной форме он обосновывается В.С. Нерсесянцем. «В социальной сфере равенство – это всегда правовое равенство, формально-правовое равенство. Ведь правовое равенство, как и всякое равенство, абстрагировано от фактических различий и поэтому с необходимостью и по определению носит формальный характер... Равенство имеет рациональный смысл, логически и практически возможно в социальном мире именно и только как правовое (формально-правовое, формальное) равенство... Что такое формальное (правовое) равенство, т.е. то, что отрицается «фактическим равенством», – это понятно, ясно и рационально выразимо. Того же самого никак нельзя сказать о «фактическом равенстве», т.е. про то, что им отстраняется. При ближайшем рассмотрении оказывается, что «фактическое равенство» имеет рациональный смысл лишь как отрицание (а именно – как отрицание формального, правового равенства), но как утверждение (как нечто позитивное) оно, «фактическое равенство», – величина иррациональная, «фантазм» типа «дервянного железа», вербальная конструкция, подразумевающая нечто совершенно иное, чем равенство. Ведь равенство имеет смысл лишь в контексте различия «фактического» и «формального» и лишь как нечто «формальное», отделенное (абстрагированное) от «фактического» – подобно тому, как слова отделены от обозначаемых вещей, цифр и счет – от сосчитываемых предметов, весы – от взвешиваемой массы и т.д.» (2).

Для В.С.Нерсесянца фактическое равенство – лишь отрицание правового. Ведь формально-правовое равенство существует не только в абстракции. Оно реализуется или способно реализоваться в конкретных правоотношениях. Если в статье 39 Конституции Республики Беларусь провозглашается права равного доступа к любым должностям в государственных органах граждан в соответствии со своими способностями, профессиональной подготовки, мы имеем дело с формально-правовым равенством. Но если эта норма осуществляется на деле, если все граждане, обладающие необходимыми способностями и профессиональной подготовкой, на практике имеют возможность воспользоваться этим правом, есть все условия для признания того, что они в отношении права доступа к любым должностям в государственных органах фактически равны друг другу. Формальное расходится с фактическим только когда провозглашенные формальные права фиктивны.

Резоннее противопоставлять не формально-правовое равенство фактическому, а формально-правовое равенство социально-экономическому и политическому равенству.

В последнее время все чаще и чаще возвращаются в 18 век с его идеями свободы, равенства, братства, понимавшимися в формально-юридическом смысле. Разница между современными защитниками формального равенства и идеологами Просвещения в том, что последние искренне думали,

что установление юридического равноправия приведет к всеобщему братству и свободе, большинство из них не заметили, что социальное неравенство шире правового. Спустя два века не заметить этого нельзя.

Права человека и его свобода – изначальные человеческие ценности, присущие каждому, ориентир прогрессивного развития общества. Свободы не могут быть гарантированы в условиях тоталитарного режима или в случае, если экономическое развитие страны находится на крайне низком уровне. Соответственно, в таких условиях не могут быть реализованы и принципы справедливости.

Согласие по вопросу справедливости – одно из условий нормального функционирования демократических институтов. Этого согласия нет. Отсюда особая актуальность научной разработки проблемы справедливости.

Литература

1. Rawls. A Theory of Justice. Harvard, 1971. P. 7.
2. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1997. С.19.

О.А. Безлюдов, кандидат юридических наук, доцент

Арест в уголовном процессе Республики Беларусь и США: сравнительный анализ

В переводе с латинского языка «арест» означает судебное постановление.

Арест как мера правового принуждения в уголовном процессе применяется в виде взятия под стражу лица, обвиняемого в совершении преступления, с целью обеспечения его участия в предварительном расследовании и рассмотрении дела в суде с целью решения вопроса о его виновности. Согласно Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее УПК Республики Беларусь) арест обвиняемого и подозреваемого есть, в узком смысле, мера пресечения в виде заключения под стражу (Ст. 126 УПК Республики Беларусь), а в широком смысле – это еще и задержание подозреваемого (гл. 12 УПК Республики Беларусь) на срок, не превышающий трех суток.

В уголовном процессе США, кроме того, что арест, являясь мерой процессуального принуждения, ограничивает свободу человека в виде заключения под стражу, несет еще и важную дополнительную функцию – возбуждение уголовного преследования в отношении конкретного лица. Разъяснение причины ареста, указанной в ордере, выполняет роль предъявления обвинения.

В литературе встречаются различные трактовки ареста в процессуальном смысле. Например, высказано мнение, что, арест есть принудительное задержание и помещение в тюрьму или «арест есть мера пресечения, ограничивающая